

УДК 94(73)

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА США: ВОЗМОЖНОСТИ КОНСЕРВАТИВНОГО АНАЛИЗА

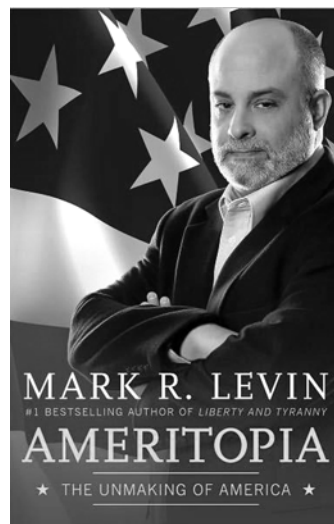
© 2013 г. **В.В. Согрин***
Институт всеобщей истории РАН, Москва

Автор анализирует содержание современной консервативной мысли США на примере книги Марка Р. Ливена «Америтопия. Разрушение Америки». Он обосновывает односторонность оценок Ливеном прошлого и настоящего Соединённых Штатов, а также путей решения их проблем. В то же время он считает рациональными некоторые критические суждения Ливена о либералах и Б. Обаме.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, ретроспектива и перспектива американского общества.

Марк Р. Ливен, автор книги «Америтопия. Разрушение Америки»**, охарактеризован издателями как видный консервативный мыслитель США. Книга даёт полное представление о *содержании* и об *уровне* современной американской консервативной мысли и идеологии. Именно этим она интересна.

Отмечу, что *консерватизм* как понятие и ценность укоренился и обрёл влияние в США относительно недавно, только после Второй мировой войны. До этого политики, известные сегодня как консерваторы, предпочитали называть себя либералами. Например, Г. Гувер, президент США в 1929–1933 гг., уверенно именовал себя либералом, а своего главного оппонента, Ф.Д. Рузвельта, сменившего его на президентском посту, называл не иначе как *социалистом*, а то и *фашистом*. Приверженцы Республиканской партии во главе с Гувером были уверены, что Рузвельт и Демократическая партия предали заветы либерализма.

* СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность».

E-mail: ons@naukaran.ru

** Levin, Mark R. Ameritopia: The Unmaking of America. New York: Simon and Schuster, 2012. 270 p.

По иронии судьбы после 1930-х годов большинство американцев стали именовать либералами именно сторонников Ф.Д. Рузвельта и Демократической партии, а последователей Г. Гувера и Республиканской партии – консерваторами. Сторонники Республиканской партии почувствовали себя неууютно: ведь консерватизм в США традиционно считался европейской ценностью. Американцы же относились к нему подозрительно, как к чему-то ретроградному, отстаивающему ценности прошлого и защищающему аристократию и её ценности. И вот в 1950-е годы идеологи, близкие по мировоззрению к Республиканской партии, наделили консерватизм привлекательными чертами.

Три главных идеолога – Р. Кёрк, П. Вирек и К. Росситер – в своих многочисленных работах дали развёрнутое обоснование основ и принципов американского консерватизма [см.: 6, с. 169–177]. Согласно их доводам, консерватизм защищал непреходящие американские ценности, закреплённые в Декларации независимости и федеральной Конституции. Отступления от этих принципов, заключённые в издержках государственного регулирования, обозначались как *либерализм*. Главными в американском консерватизме объявлялись: свобода личности и права человека, как они провозглашались в Билле о правах; ограничение и разделение властей, как это зафиксировано в федеральной Конституции. Разрастание государственного регулирования сверх этих норм, расценивавшееся Гувером как *социализм* или *фашизм*, называлось либерализмом Демократической партии. Особенностью американского консерватизма, доказывали три идеолога, было то, что он отстаивал исконный, классический, аутентичный либерализм. Поскольку в глазах общества либерализм стал отождествляться с идеологией Демократической партии, поклонникам органичных американских ценностей следовало именовать себя впредь консерваторами.

Под воздействием Кёрка, Вирека, Росситера и их единомышленников консерватизм обрёл в США жизнь и достаточно быстро превратился в кредо Республиканской партии. Однако сам он не оставался неизменным. Так, уже Д. Эйзенхауэр, президент США в 1953–1961 гг., выступал в пользу *нового консерватизма*, что означало признание определённых реформ Ф.Д. Рузвельта. Новации Эйзенхауэра оспаривал видный республиканец Б. Голдуотер, решительно отрицавший рузвельтовское наследие и отстаивавший стопроцентный изначальный американизм, который некоторые позже стали именовать *палеоконсерватизмом*.

В 1980-е годы оформился *неоконсерватизм*, одобрявший те формы государственного регулирования, которые способствовали укреплению рыночных ценностей. Неоконсерватизм, воспринятый президентом Р. Рейганом (1981–1989), особо подчёркивал значение исконных социальных институтов Соединённых Штатов, в первую очередь религии и семьи, а также морали и нравственности. На 1990–2000-е годы пришёлся второй этап неоконсерватизма, когда особенно важную роль в нём заняли внешнеполитические имперские мотивы. (Понятие *Американская империя* было наделено позитивным смыслом, поскольку она распространяла в мире демократию. – *В.С.*)

Книга Ливена представляет, можно сказать, самый свежий вариант неоконсерватизма. Её выход не случайно совпал с президентской кампанией 2012 г. Автор откровенно поддерживал (хотя об этом прямо не говорил) республиканского кандидата М. Ромни и, по сути, предлагал развёрнутое идеоло-

гическое обоснование *внутриполитической программы* и установок Республиканской партии. Одновременно он ставил задачей развенчать социальные и экономические предложения и реформы Б. Обамы. Само название книги – «Америтопия. Разрушение Америки» – призвано «обличить» Обаму. Пафос книги в том, что идеология и планы Обамы расцениваются как утопия, уничтожающая американскую суть. Отличает сочинение Ливена от типичных идеологических памфлетов и книг то, что автор претендует на исследовательскую – философскую и историческую – глубину. Книга написана понятным широкому читателю языком, но обладает при этом признаками академического исследования. Автор обильно цитирует философские первоисточники, опираясь на оригиналы мировой мысли.

Ливен начинает книгу, что называется, с «открытым забралом». Исходные принципы изложены предельно чётко, с апелляцией к мировым авторитетам. Первый принцип, сопровождаемый цитатой из Карла Поппера: социальная наука, претендующая на социальную инженерию, т.е. планируемое преобразование общества властью, не может называться наукой [13, р. 4].

Второй принцип, подкрепляемый цитатой из Фредерика Хайека: подлинное равенство ограничено равенством всех перед законом, любое иное равенство разрушает свободу [13, р. 8]. Следовательно, такие лозунги, как «социальная справедливость», «права иммигрантов», «права рабочих» и подобные им, разрушительны для свободы и несовместимы с подлинным равенством. Несовместимы они и с демократией, ибо с их восприятием демократия разрушается бесконечной чередой групповых требований и интересов [13, р. 9].

Третий принцип: неукоснительное следование букве федеральной Конституции и заветам отцов-основателей (здесь Ливен чаще всего цитирует Авраама Линкольна, который был основателем Республиканской партии, но не отцом-основателем США и уж, безусловно, не являлся консерватором. – *В.С.*) Конституция, согласно Ливену, чётко определила пределы американской власти, закрепила право каждого распоряжаться самим собой, свободно приобретать собственность, создаваемую «собственным трудом», и быть равным со всеми перед «беспристрастным законом». Индивидуум и его свобода – главные ценности в Конституции и заветах отцов-основателей. Поскольку индивидуумы от природы наделены разными способностями, постольку экономически и социально они не могут быть равны. Следовательно, правовое равенство, с одной стороны, и экономическое неравенство – с другой, освящены Конституцией. Выход за её формулировки означает выход на разрушительный для американизма путь утопии [13, р. 9-18].

Отмечу, что, отстаивая приверженность формулировкам американской Конституции, Ливен прибегает к уловкам, которые затем используются неоднократно. Например, он утверждает, что Конституция, как она была одобрена отцами-основателями, «не сохраняет и не поддерживает рабство» [13, р. 19]. Но в действительности Конституция США дважды признаёт рабовладение, не используя самого этого слова. В первый раз, когда предоставляет южным штатам право избирать в Конгресс депутатов с учётом «трёх пятых иных лиц» (т.е. как раз рабов. – *В.С.*) Во второй раз, когда запрещает Конгрессу до 1808 г. «ввоз таких лиц (т.е. опять-таки рабов. – *В.С.*), которых какой-либо из существующих ныне штатов сочтёт нужным допустить» [5, с. 348, 352]. Замечу также, что если бы Конституция США не сохраняла рабство, тогда в США не было

бы Гражданской войны 1860-х годов и не понадобилось бы 13-й поправки к Конституции. В ней, в отличие от основного текста, перед которым преклоняется Ливен, действительно говорится, что на территории США «не должно существовать ни рабства, ни подневольных работ» [5, с. 361–363].

Специальное внимание Ливен уделяет историко-философскому обоснованию порочности социальных утопий и их месту в обществе. Для критического анализа он выбрал проекты Платона, Томаса Мора, Томаса Гоббса и Карла Маркса. Надо признать, что их работы прочитаны автором основательно, ссылки на первоисточники обильны, да и выводы во многом справедливы. Действительно, это проекты, сконструированные с целью сознательного преобразования общества властью. Все они равнозначны созданию или авторитарного, или тоталитарного общества. Также им свойствен утопизм, хотя, на мой взгляд (Ливена это мало интересует или он не готов это признать), соотношение утопизма и реализма в проектах четырёх мыслителей всё же различно. Очевидно также, что выводы Ливена при том, что он опирается на первоисточники, в общем-то банальны, по сути компилятивны (хотя компилятивно и большинство исследований об этих классиках, поскольку сказать что-либо новое о них действительно трудно). Но главной своей цели Ливен добивается: непосвящённому читателю внушается, что конструировать воздействие власти на общество в высшей степени опасно, чревато тиранией и регрессом.

Далее Ливен продолжает выстраивать историко-философский фундамент для своей основополагающей мысли: общество развивается наилучшим образом, будучи предоставлено «естественному ходу вещей», «естественным правам человека». Для анализа этого постулата он выбирает двух выдающихся мыслителей – Джона Локка и Шарля Монтескьё. Отмечу, что они рассмотрены и интерпретированы по первоисточникам, что не освобождает заключений Ливена о воздействии двух мыслителей на США от банальностей. В сотнях и сотнях научных трудов доказано, что Локк и Монтескьё оказали огромное, во многом определяющее воздействие на американских отцов-основателей. Их идеи в значительной мере воплощены как в Декларации независимости (в первую очередь идеи Локка), так и в Конституции (идеи Монтескьё). Очевидно, что оба мыслителя придерживались представления о том, что «естественное состояние» и «естественные права человека» должны быть матрицей идеального общества.

Но – и здесь я вступаю в дискуссию с Ливеном – ни Локк, ни Монтескьё не считали, что люди не должны вообще вмешиваться в «естественный ход вещей» и отказываться от политического конструирования. Так, Локк полагал, что люди могут и должны создавать государство на основе общественного договора, т.е. подготовленной и одобренной конституции. Он также считал, что власть в случае нарушения общественного договора должна заменяться другой, в некоторых (крайних) случаях – даже посредством насилия. А Монтескьё разработал знаменитую концепцию разделения властей, которая была образцом смелой политической инженерии. Замечу, что методологически Локк и Монтескьё имели немало общего с раскритикованными Ливеном утопистами. Оба, в духе эпохи Просвещения, были рационалистами, моделировали «царство разума», в котором все должны быть счастливы. Но в их «царстве разума», как и в утопиях Платона, Мора, Гоббса и Маркса, не могли быть счастливы все. Это подтверждает и история американского «царства разума». В нём на

всех исторических этапах далеко не все были удачливы и счастливы, вследствие чего возникали острые конфликты, разрешавшиеся неоднократно при помощи социальной инженерии в духе Ф. Рузвельта или Б. Обамы.

Ливен настойчиво доказывает, что отцы-основатели были послушными учениками Локка и Монтескьё и категорически отказывались использовать государственную власть для регулирования «естественных прав», «естественного хода вещей». И вновь он поступает исторической истиной. Почитаемый им Томас Джефферсон исходил из того, что собственность была историческим установлением и правительство вправе прибегать к законам, чтобы ограничивать её эксцессы и способствовать установлению режима «равных возможностей» в интересах неимущих. Главным средством он считал облегчение простым американцам доступа к огромному государственному фонду земель. Он хотел, чтобы если не все, то максимальное число американцев стали при поддержке государства собственниками – фермерами.

Точно так же рассуждали его последователи, выдающиеся президенты Э. Джексон и А. Линкольн. Как формулировал Эндрю Джексон: «Различия в обществе сохраняются при любом справедливом государственном управлении. Равенство талантов, образованности и состояний не может быть утверждено общественными институтами. Но законы обязаны защищать равное право каждого на пользование господними дарами, изделиями промышленности, всей экономики, как и собственными добродетелями. Когда же законы используются для того, чтобы к этим естественным и справедливым благам добавить искусственные различия, даровать титулы, денежные подношения и искусственные привилегии, в результате чего богатые становятся богаче, а сильные – сильнее, то простые члены общества – фермеры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы приобрести подобные преимущества, имеют право жаловаться на несправедливость своему правительству» [10, vol. 2, p. 590].

Очевидно, что те, кто родились «фермерами, ремесленниками и рабочими», не обладали *равными возможностями* с теми, кто родились в семьях банкиров, владельцев мануфактур, фабрик или адвокатских контор. Государство, полагали эти три президента, должно помочь им. После принятия в 1862 г. усилиями А. Линкольна самого демократичного не только в американской, но и в мировой истории аграрного закона (известного как *гомстед-акт*), мечта Т. Джефферсона о бесплатном наделении американцев участками из государственного земельного фонда была реализована. Демократические аграрные законы способствовали тому, что с 1800 по 1860 г. количество самостоятельных фермеров-собственников в США почти в три раза превысило численность сельскохозяйственных рабочих. А за пятидесятилетие после Гражданской войны общее количество ферм выросло с 2,6 до 6,4 миллиона [9, p. 663, 693]. Массовое обращение многих американцев при активной поддержке государства в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны капитализма США, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации (не говоря уже о недемократических цивилизациях).

Видный американский политик Александр Гамильтон, главный оппонент Джефферсона, также не был ортодоксальным приверженцем «естественных прав» и экономического либерализма. Кроме того, в отличие от Джефферсона

он почитал не только Локка, но и Гоббса. Гамильтон полагал, что человеческая натура по своей природе порочна, а народ – это «большой зверь». Поэтому власть должна быть достаточно сильна, чтобы сдерживать порочные страсти людей. Гамильтон также был уверен, что власть должна активно содействовать созданию крупных мануфактур, банков, защищать тарифами национальную промышленность.

Сравнение двух выдающихся отцов-основателей, Джефферсона и Гамильтона, обнаруживает не только то, что государство с самого возникновения активно участвовало в экономике и социальных отношениях, но и то, что это участие было разнонаправлено. Гамильтон использовал его в интересах капиталистического класса, а Джефферсон – для поддержки средних и нижних слоёв. И это в ещё большей мере обнажает односторонность анализа Ливена, доказывающего, что государственные реформы и регулирование в США использовались исключительно с целью ущемления способных, удачливых, талантливых и в интересах неудачников – лузеров.

В данной статье нет возможности подробно рассуждать о характере американского государства (мною это делалось неоднократно. – *В.С.*) [см.: 6; 7; 8]. Здесь я готов оттолкнуться от принятой многими американскими политологами точки зрения, что на государственную власть в США воздействуют различные социальные, экономические, политические группы. На разных этапах большего влияния добиваются то одни, то другие. Ливен убеждает, что государство использовалось лишь в интересах лузеров. Решительно не соглашаясь с этим, приведу примеры, показывающие, что государство не реже, а даже чаще использовалось в интересах верхнего класса, самых зажиточных слоёв. При этом историческая ретроспектива показывает, что интересы верхнего класса, как правило, отстаивались Республиканской партией, а средних и нижних слоёв – Демократической.

История А. Линкольна – это единственный пример того, когда Республиканская партия и её лидер выступали с подлинно демократических позиций. Сразу по окончании Гражданской войны 1861–1865 гг. произошло термидорианское перерождение Республиканской партии, и она откровенно перешла на сторону капиталистического класса, извлекшего наибольшую экономическую выгоду от сокрушения рабовладельцев.

После Гражданской войны государство оказало реальную помощь железнодорожным корпорациям. Власти предоставляли корпорациям огромные льготные займы, активно приобретали их акции, предоставляли налоговые преимущества. Щедрыми были государственные земельные дары железным дорогам, составившие 131 млн. акров, или 9% земельного фонда, находившегося в распоряжении государства в период с 1789 по 1904 г. Железнодорожный магнат Корнелиус Вандербильт (1794–1877 гг.) к концу жизни обладал состоянием в 105 млн. долл., что по меркам начала XXI века равнялось примерно 1,8 млрд. долларов [1, с. 139].

Уже в 1870-е годы крупнейшие железнодорожные корпорации обладали монополистическим влиянием и во многих случаях могли диктовать цены на железнодорожные перевозки. От этой практики страдали прежде всего фермеры, требовавшие пресечения злоупотреблений и государственного контроля над тарифами. В 1887 г. был принят первый федеральный закон о регулировании железнодорожного сообщения между штатами. Решения государственной

регулирующей комиссии были переданы в суды. В судах же верх одержали железнодорожные компании. В период с 1890 по 1905 г. из 16 дел, переданных федеральной комиссией в суды, железнодорожные компании выиграли пятнадцать. В конце XIX века Верховный суд США вообще нанёс сокрушительный удар по полномочиям комиссии, объявив, что она не вправе определять ни минимальные, ни максимальные тарифы.

Историки практически единодушны в том, что именно судебные интерпретации наполняли в тот период реальным содержанием американские законы, при этом последние претерпевали порой удивительные метаморфозы. Классическим стал пример 14-й поправки к Конституции США. Одобрённая в 1868 г., она провозглашала, что «ни один штат не может лишить кого-либо жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры». Инициаторы поправки предназначали её для пресечения попыток властей южных штатов ограничить гражданские и политические права освобождённых негров. В 1870–1890-е годы судебная ветвь использовала эту поправку для того, чтобы пресечь попытки властей штатов, как на Юге, так и на Севере, ущемить права и интересы бизнеса. Позиция Верховного суда США определялась, по сути, идеологическими мотивами: первый из них заключался в том, что процветание бизнеса являлось основой процветания Соединённых Штатов в целом, а второй – в том, что интересы бизнеса, а следовательно, и США, будут обеспечены наилучшим образом, если государство в своей экономической и социальной политике будет следовать принципу «невмешательства» в «естественный ход вещей».

Ещё одним громким этапом откровенной поддержки государством бизнеса и верхнего класса стали 1920-е годы. Важнейшей целью финансово-экономической политики республиканского правительства десятилетия «просперити» являлось снижение налогов, в первую очередь прямых. В 1921 г. прогрессивный налог на часть индивидуального дохода, превышавшую 1 млн. долл., был уменьшен с 66 до 50%, в 1924 г. он был понижен до 40%, а в 1926 г. – до 20%. В эти же годы примерно наполовину были снижены максимальные налоги на наследство и недвижимость. Таким образом, каждый мультимиллионер, среди них и Эндрю Меллон, бессменный министр финансов и автор налоговых законопроектов, ежегодно сберегал миллионы долларов, в то время как экономия налогоплательщика из нижнего или среднего класса составляла всего несколько десятков долларов [16, vol. 1, p. 62]. Разрыв в доходах верхнего и нижнего классов достиг наибольшего размера за всю новейшую историю США. Это стало главной причиной «перепроизводства» и жестокого экономического кризиса 1929–1933 гг. Можно отметить, что главной её назвал ещё Ф. Рузвельт в ходе своей предвыборной президентской кампании 1932 г. Он указывал, что быстрый рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 1920-х годов, не подкреплялся радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возраставших прибылей с учётом интересов большинства общества. Производительные мощности нации непрерывно увеличивались, а её потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия крупного бизнеса изменялись слабо. В таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными [15, p. 29, 31–33; 14].

Историки приводят большое количество фактов и аргументов, подтверждающих правоту Рузвельта. Каждый представитель верхнего класса в США, включавшего около 25 тыс. семей с годовым доходом более 100 тыс. долл., при-

своил тогда, благодаря консервативной фискальной политике республиканского правительства, возможность потреблять в 40 раз больше среднего представителя остальных американцев. Но товары в количестве, которое они могли приобрести на свои доходы, были им не нужны. Подавляющее число американцев приобретали многие новые товары (холодильники, стиральные машины, радиоприёмники и т.д.) в кредит, оплачивать который, как выяснилось в 1929 г., им было не под силу. Данная ситуация и сделала неизбежными кризис перепроизводства и экономический коллапс.

Крупной исторической эпохой, когда государственная власть откровенно использовалась в интересах большого бизнеса, было правление Р. Рейгана [3]. И наконец, образцом использования власти в интересах верхнего класса стало президентство Дж. Буша-младшего (2001–2009). Налоговые реформы Рейгана снизили верхнюю ставку подоходного налога с 70 до 28%, а нижнюю повысили с 14 до 15%. Президент-демократ У. Клинтон в 1990-х годах повысил верхнюю ставку до 39,6%, но Дж. Буш-мл. снизил её в 2000-е годы до 35%. Как и Р. Рейган, Дж. Буш-мл. продолжил дерегулирование в интересах крупного бизнеса. В частности, была отменена законодательная дифференциация финансово-банковской деятельности, введённая в рузвельтовскую эпоху и эффективно пресекавшая корыстные манипуляции денежного капитала.

Карт-бланш, выданный неоконсервативными властями бизнесу, имел прямое отношение к крупнейшему после 1929 г. финансово-экономическому кризису, начавшемуся в 2008 г. В банковской сфере и на фондовых рынках нарастали финансово-спекулятивные махинации, напоминавшие реалии 1920-х годов, но более изощрённые. Российские исследователи современной экономики США сделали следующие наблюдения: «...наиболее популярным объектом для спекуляций стал венчурный капитал. Новый подход к бизнесу состоял в том, чтобы выдумать некий инновационный проект, обосновать его высокую будущую прибыльность и на этой основе привлечь инвестиции (сначала путём публичного предложения акций, затем с помощью дополнительной эмиссии акций и повышения их курсовой стоимости). Эта процедура применялась многократно... В результате в американской экономике... сформировался мощный финансово-спекулятивный “пузырь”, который современными американскими экономистами определяется как “торговля огромными количествами экономических благ по ценам, значительно превышающим их стоимость”» [2, с. 6–7]. Финансово-спекулятивные «пузыри» первоначально наиболее активно возникали в сфере информационных технологий, а затем в строительстве. Цены на жильё вздувались корпорациями и банками гораздо выше их себестоимости. Американцы, которые в соответствии с национальной мечтой хотели жить в собственном доме, залезали в долги с высочайшим риском неминуемого банкротства для себя, для строительной отрасли и ипотечного бизнеса. С помощью финансово-спекулятивных «пузырей» банкам, финансистам и топ-менеджерам удалось сколотить баснословные состояния, но, как отметил один из экономических авторитетов, то было «иррациональное изобилие».

Неоконсервативные меры государства принципиально изменили модель распределения национального богатства, сформировавшуюся при Ф.Д. Рузвельте. Если в 1930–1970-е годы происходило сужение разрыва в доходах верхних и нижних слоёв, то в неоконсервативный период произошло его новое расширение.

Таблица

**Доли американских домохозяйств в национальном доходе
в 1980–2005 гг., %**

Годы	Нижняя пятая	Вторая пятая	Средняя пятая	Четвёртая пятая	Верхняя пятая	Верхние 5%
1980	4,2	10,2	16,8	24,7	44,1	16,5
1990	3,8	9,6	15,9	24,0	46,6	18,5
1995	3,7	9,1	15,2	23,3	48,7	21,0
2000	3,6	8,9	14,8	23,0	49,8	22,1
2005	3,4	8,6	14,6	23,0	50,4	22,2

Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010. P. 454.

Среди верхнего слоя бизнеса наиболее впечатляющим, в сравнении с предыдущими эпохами, выглядело обогащение высшего звена корпоративных управляющих. На рубеже XX–XXI веков среднегодовой доход управляющих (*chief executive officer*) крупных американских корпораций достиг 12 млн. долл. Это в 475 раз выше средней зарплаты промышленного рабочего (для сравнения: в Германии данное соотношение равно 13, а в Японии – 11). Рекорд годового дохода управляющего равнялся 650 млн. долларов [11, р. 30–32].

Согласно заключению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии П. Кругмана, социально-экономическая политика неоконсерваторов радикально исказила классическую американскую модель распределения национального богатства. Богатые богатели всё быстрее, а у нижних и даже средних слоёв оказывалось всё меньше шансов не только подняться по социальной лестнице, но даже обеспечить достойное существование своим семьям, что было возможно в пострузвельтовские десятилетия [4, с. 17, 137–147].

Можно заключить, вопреки концепции Ливена, что государственная власть в лице всех её трёх ветвей активно использовалась в США в интересах верхнего класса. Ливен, претендуя на исследовательский академизм, проигнорировал все неудобные для него факты. Вопреки Ливену можно привести множество доводов, свидетельствующих, что финансовые преимущества верхнего класса обеспечивали ему реальные преимущества в доступе к политической власти, воздействию на неё и управлении ею. Но в отличие уже от «левых» критиков американской власти, я полагаю, что средние и нижние слои также располагали и располагают реальными возможностями воздействия на государство и использование его в своих интересах. Подтверждением этому являются эпохи, на которых Ливен концентрирует всё своё внимание и которые подвергает ожесточённой критике.

Это Прогрессивная эра 1900–1914 гг. Наиболее серьёзные демократические меры были приняты при президенте В. Вильсоне, которого Ливен объявляет первым «утопистом» американской политики [13, р. 190–199]. Тогда была принята 16-я поправка к Конституции США, вступившая в силу в 1913 г. и вводившая федеральный подоходный налог. Этот налог обладал определённым перераспределительным характером, ибо он первоначально распространялся только на зажиточных американцев, а нижние и даже средние слои от него освобождались. Благодаря ему оказались возможными и все социальные расходы государства. Серьёзными были политические реформы вильсоновского периода, как и

всей Прогрессивной эры. Важной была реформа, передавшая права избрания сенаторов от legislatures штатов самим избирателям. В 22 штатах были введены первичные выборы (праймериз). В 1907 г. Конгресс США одобрил первый федеральный закон о порядке финансирования избирательных кампаний, по которому в этом финансировании запрещалось участвовать национальным банкам и корпорациям. В 1910 г. Конгресс потребовал от депутатов обнародовать источники финансирования своих избирательных кампаний, а в 1911 г. впервые ввёл ограничения на объёмы подобного финансирования.

Значительный этап демократических мер в интересах среднего и нижнего классов – «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта 1930-х годов. Рузвельт легализовал деятельность профсоюзов, в результате чего те получили возможность конкурировать с бизнесом на рынке труда и за десять лет добились повышения реальной заработной платы американских рабочих в два раза. Рузвельт создал федеральное социальное государство, введя систему социального страхования по старости и безработице. За всё это Ливен называет Рузвельта вторым главным «утопистом» в американской политике.

Серьёзные меры в интересах средних и нижних слоёв были приняты президентами-демократами Дж. Кеннеди и Л. Джонсоном в 1960-е годы. Этот период, так же как «Новый курс» и Прогрессивную эру, Ливен включает в «неконституционные» эпохи, т.е. разрушавшие Конституцию США и создававшие «Америтопию». Но главный огонь критики он сосредоточивает на Бараке Обаме и его президентстве.

Реформы Обамы по регулированию активности банков, ипотечной задолженности и, особенно, введению государственного медицинского страхования он включает, как и реформы других президентов-демократов, в «порочную» «живую конституцию», которая деформирует и убивает американские первоосновы. Насколько аргументированы факты и выводы Ливена? Ответ особенно актуален, поскольку расчёты Ливена совпадают с теми фактами, которые М. Ромни противопоставлял Б. Обаме в период президентской кампании 2012 года.

С Ливеном Обама не спорил, а вот Митту Ромни он отвечал во время трёх прямых телевизионных дискуссий в октябре 2012 г. Расчётам Ромни, который опирался на материалы консервативных «мозговых центров», Обама противопоставлял расчёты, подготовленные либеральными «мозговыми центрами» (хотя оба кандидата утверждали, что опираются на данные независимых экспертиз). Обнаруживался парадокс: математические расчёты последствий социальных реформ Обамы, приводившиеся двумя оппонентами, исключали друг друга. Ромни, как и Ливен, приводил данные, доказывающие, что государственное здравоохранение нанесёт сокрушительный удар по «Медикэр», излюбленной социальной программе пенсионеров, и увеличит государственный долг за десять лет в полтора раза. Обама «с цифрами в руках», наоборот, утверждал, что его реформа сократит государственные расходы и упрочит программу «Медикэр».

Дать объективный ответ на вопрос, кто же прав в расчётах – неоконсерваторы или либералы, на мой взгляд, сегодня просто невозможно. Реформы Обамы ещё только запущены в жизнь, и то, как они пойдут, какие дадут результаты, выяснится только через несколько лет. Представляется всё же, по опыту предшествующих десятилетий, когда радикальные социальные реформы увеличивали государственный долг США, что его сокращения вследствие введения закона о государственной медицине (учитывая «сверхдороговизну»

медицинских услуг в Соединённых Штатах), как минимум, не произойдёт. И здесь мы подходим к главному пункту критики Ливеном и всеми неоконсерваторами президентства Б. Обамы: это колоссальный государственный долг, превысивший в 2012 г. ВВП США и достигший свыше 16 трлн. долларов.

Госдолг США к концу президентства Дж. Буша-мл. составлял 10 трлн. долл. (рост в сравнении с началом его президентства – на 4 трлн. долл.) [12, р. 127-128]. При Б. Обаме за четыре года он вырос на 6 трлн. долл. и приобрёл, по мнению аналитиков, угрожающий финансовой катастрофой характер. В условиях рецессии, когда процент выплат по государственному долгу остаётся относительно низким (менее 3%, что составляет 500 млрд. долл. в год) катастрофа отсрочивается. Но в случае выхода из рецессии, когда этот процент вырастет до семи, справиться с бюджетным дефицитом, который сегодня регулярно превышает 1 трлн. долл., а тем более с государственным долгом, будет в высшей степени проблематично. Обвинения неоконсерваторов в адрес Обамы по поводу катастрофического роста государственных расходов и долга имеют под собой определённые основания, хотя также и демагогичны. Обама использовал увеличение госрасходов для классических в условиях кризиса целей – спасения промышленности (как минимум, одна отрасль – автомобильная – была действительно спасена) и борьбы с безработицей. Следует принять во внимание то, что все попытки Обамы достичь компромисса с неоконсерваторами, подчинившими себе республиканцев в Конгрессе США, по вопросам средств борьбы с государственным долгом, оказались тщетны. Это отличает реформаторский курс Б. Обамы от реформаторского курса Ф.Д. Рузвельта, когда республиканцы в Конгрессе США, перепуганные кризисом, предоставили в 1933 г. президенту-демократу фактически карт-бланш на экономические преобразования.

Демагогия неоконсерваторов в критике госрасходов Обамы проявляется в том, что, обещав американцам в случае прихода к власти сократить госдолг, они сами вместе с тем совмещали эти обещания с требованием дальнейших наращиваний огромных расходов на вооружение. Ливен вообще замалчивает этот важнейший вопрос, не затрагивая проблем внешней политики, хотя именно развязанные Дж. Бушем-мл. войны стали главной начальной причиной галопирующего роста госдолга США.

Определённые рациональные моменты в критике неоконсерваторами социально-экономической политики Обамы всё же имеются. Можно согласиться с тем, что реальных мер по борьбе с фантастическим ростом госрасходов и долга им предпринято не было. Но опять-таки, объективно ответственность за многие отрицательные следствия экономической политики США должна быть возложена не столько на демократов, сколько на республиканцев. Взять, например, одну из главных в условиях глобализации причин снижения налогооблагаемой базы американского правительства – нарастающий экспорт американских капиталов в развивающиеся страны. США выступали главным двигателем экономической глобализации, поскольку это расширяло и укрепляло их господство в мировой экономике. Но одним из следствий глобализации было то, что большая часть американской промышленности и миллионы рабочих мест были «выведены» в Китай и другие развивающиеся страны, в которых корпорации Соединённых Штатов получили возможность за счёт сверхэксплуатации рабочей силы, невозможной в США, получать огромные сверхприбыли. Так, глобализация сыграла в отношении американского госу-

дарства роль бумеранга, лишив его многомиллиардных налоговых поступлений и резко обострив проблему внутренней безработицы.

Б. Обама в качестве контрмеры предлагает предоставить американским корпорациям, готовым вернуть капиталы в США, льготные условия, а экспорт американских капиталов в Китай затруднить, в частности путём инспектирования условий эксплуатации корпорациями китайской рабочей силы и пресечения «нечестной конкуренции» со стороны Китая. Эти предложения Обамы мне кажутся действительно утопичными. Трудно представить, что американские транснациональные корпорации из «патриотических» чувств откажутся от сверхприбылей в развивающихся странах. Скорее, они назовут Обаму утопистом-антиглобалистом.

Что касается книги Ливена, то она, как и неоконсервативная программа М. Ромни 2012 г., по моему заключению, является ярким образцом ретроградного характера ведущего течения современного американского консерватизма.

Список литературы

1. *Брандс Х.В.* Адмирал американского капитализма // Большой бизнес. 2004. № 10.
2. *Васильев В.С., Роговский Е.А.* Грядущая финансовая турбулентность // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 3.
3. *Гарбузов В.Н.* Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 564 с.
4. *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа, 2009. 366 с.
5. Конституции зарубежных государств. М.: Изд-во БЕК, 2002. 592 с.
6. *Согрин В.В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.
7. *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
8. *Согрин В.В.* Демократия в США от колониальной эры до XXI века. М.: Весь мир, 2011. 400 с.
9. *Billington R.A., Ridge M.* Westward Expansion: A History of the American Frontier. New York, 1982.
10. Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789-1902. Vols. 1-11 / Ed. by J.D. Richardson. Washington, 1903.
11. *Dye Th.R.* Who's Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River (NY), 2002.
12. Historical Tables. Budget of the U.S. Government. Fiscal Year 2010. U.S. Government Printing Office. Washington, 2009.
13. *Levin M.R.* Ameritopia: The Unmaking of America. New York: Simon and Schuster, 2012. 270 p.
14. Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1932-1945. Cambridge, 1946.
15. *Roosevelt F.D.* Looking Forward. New York, 1933.
16. *Schlesinger A., Jr.* The Age of Roosevelt. Vols. 1-3. Boston, 1957-1960.
17. Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010.